

ОЛЕГ ПЕТ

**ТЕПЛО ДЛЯ
ЧУЖИХ МИРОВ**



Олег Пет

Тепло для чужих миров

«Автор»

2026

Пет О.

Тепло для чужих миров / О. Пет — «Автор», 2026

Будущее . Зима. Их встреча — последний шанс для обоих. Но когда в бункер врываются мародёры, Кел падает от выстрелов, и Аня понимает: её слёзы сильнее любой улыбки. И чтобы спасти его, ей придётся заплатить частью своей души. «Тепло для чужих миров» — это уютный апокалипсис, где единственное оружие — человеческое сердце, а единственная надежда — любовь, которая согревает даже в вечном снегу.

© Пет О., 2026

© Автор, 2026

Олег Пет

Тепло для чужих миров

Пролог

«Снег идёт сегодня, как и вчера. Мы ждём. Всегда ждём».

Снег шёл уже три года. Он падал на руины городов, на пустые автостреды, на замёрзшие реки. Он засыпал дома, в которых никто не жил, и дороги, по которым никто не шёл. Он падал бесшумно, ровно, безразлично — как будто мир уже не имел значения.

Где-то под землёй, в бетонных коробках, ещё теплилась жизнь. Люди сидели в темноте, считали дни, сжигали последние спички. Они не видели солнца, не чувствовали ветра. Они только слышали, как снег падает на крышу бункера, — глухо, монотонно, как удары сердца, которое уже не хочет биться.

Они не знали, что где-то там, в белой пустоте, есть другие. Те, кто не сдался. Те, кто ещё помнит, как пахнет кофе, как звучит смех, как тепло разливается по телу, когда кто-то берёт тебя за руку.

Они не знали, что скоро всё изменится.

Потому что в одном из бункеров, среди бетона и ржавчины, жила женщина, которая умела улыбаться. Не для того, чтобы выжить, — для того чтобы помнить. И она встретила существо, которое питалось улыбками.

Их встреча была случайностью. Их история — необходимостью.

Это история о том, как мир замёрз, но не умер. О том, как люди теряют всё, но находят друг друга. О том, как слёзы могут быть сильнее смеха, а тишина — громче криков.

Это история о снеге, который когда-нибудь растает.

И о тепле, которое никогда не уходит.

Глава 1. Знакомство

За окном — снег. Три года подряд.

Аня просыпается от того, что простыня примерзла к телу. На потолке — пятно сырости, похожее на карту Африки. Она лежит, смотрит на него, считает до тридцати. Никто не придёт её будить. Сон не вернуть.

Она встаёт. Бетонный пол обжигает ступни. Шерстяные носки с дыркой на пятке лежат рядом. Она натягивает их не глядя. Нашупывает сапоги, застёгивает крючки. Руки дрожат от холода, но она привыкла.

Коридор бункера пахнет мазутом и старой бумагой. Лампочка на потолке моргает каждые три секунды — Ми-Фа обещал починить, но руки-щупальца не доходят. Аня идёт вдоль стены, проводит пальцами по бетону. Трещины. Одна глубокая, как шрам. Она знает каждую — считала их в бессонные ночи.

На кухне уже кто-то есть. Олли сидит на перевёрнутом ящике, греет руки о кружку с кипятком. Вокруг него разбросаны схемы — он рисует их углём на газетных обрывках. На коленях — радиодеталь, выпаянная из старого телевизора. Он держит её так, будто это сокровище.

— Доброе утро, — говорит Аня.

— Утро, — отвечает он, не поднимая головы. — Ты слышала? Ночью где-то стреляли. С поверхности. Ветер принёс.

Аня ставит чайник на электрическую плитку. Плитка шипит — красная спираль накаляется медленно, как старуха, что не хочет вставать с кровати. Аня смотрит на неё и ждёт. Она привыкла ждать.

— Слышала. Это не наши.

— Откуда знаешь?

— У нас почти не осталось патронов. У марлонов их много, и они стреляют в людей. — Она достаёт из шкафчика жестяную банку с кофе. Она лёгкая — почти пустая. Осталось на три дня, если не больше. — Где Ми-Фа?

— В оранжерее. Поливает помидоры. Говорит, что скоро будут краснеть. Я не верю.

— Я тоже.

Она насыпает молотый кофе в турку, заливает кипятком из чайника, ставит турку на горелку. Спиртовая горелка зажигается с третьей спички. Пламя жёлтое, дрожащее. Аня смотрит на него, как на живое существо. Оно согревает лицо, и она закрывает глаза на секунду.

Первые звуки бункера — капающая вода, скрип металла, где-то далеко песня. Кто-то поёт на складе, где живёт семья с двумя детьми. Низкий, хриплый голос. Слов не разобрать. Но мелодия — старая, довоенная, из тех, что пели по радио. Аня не узнаёт её, но чувствует: там была другая жизнь.

Через двадцать минут кофе готов. Чёрный, густой, как дёготь. Она разливает его в три кружки — себе, Олли, Ми-Фа. Свою она держит в ладонях, не пьёт. Пытается согреться, просто греет руки. Пар поднимается, оседает на лице, и она чувствует себя почти живой.

Входит Ми-Фа. Его щупальца влажные, пахнут землёй. Он садится, прикасается к горячей кружке одним из них и замирает. Синевато-серая кожа начинает светлеть от тепла. Он смотрит на Аню, и в его глазах — усталость, смешанная с благодарностью.

— Помидоры не краснеют, — говорит он булькающим голосом. — Я их уговаривал. Они не слушаются.

— Может, им нужно солнце, — замечает Олли, не отрываясь от схем.

— Солнце умерло, — отвечает Ми-Фа. — Я говорил с ним. Оно больше не отвечает.

Аня пьёт кофе. Горько. Она морщится, но пьёт до дна. Вкус обжигает, возвращает к реальности.

— Сегодня кто-то придёт, — говорит она. — Я чувствую. Вода в трубах гудит не так, как вчера.

Олли поднимает голову:

— Откуда ты знаешь?

— Я бариста. Я чувствую людей. Всегда чувствую. Это моя старая работа.

Ми-Фа булькает тихо — у него это означает смех.

День начинается. Аня убирает со стола, моет кружки в тазу с ледяной водой. Мыло кончилось две недели назад — она трёт посуду песком и золой. От рук пахнет гарью, но это лучше, чем запах смерти.

Олли уходит чинить передатчик. Ми-Фа лезет под потолок менять проводку — его щупальца двигаются ловко, как пальцы хирурга.

К десяти утра в бункере становитсялюдно. Люди выходят из отсеков — четверо взрослых, двое детей. Все хотят кофе. Аня варит вторую порцию — из остатков той же банки. За каждую кружку она берёт рассказ.

— Что ты помнишь? — спрашивает она пожилую женщину с красным шарфом.

— Снег, — отвечает та. — Я помню запах мандаринов перед Новым годом. У нас каждое утро были мандарины.

— Хорошо, — кивает Аня. — Ты платишь одним запахом.

Женщина берёт кружку, нюхает, улыбается. Улыбка настоящая, хоть глаза и грустны. Аня запоминает её. Вдруг пригодится.

Она отдаёт кружку и чувствует, как кофе становится всё меньше. Она прячет последнюю банку в шкаф, туда, где никто не найдёт.

Около полудня в железную дверь стучат. Три глухих удара, пауза, два. Аня идёт открывать. На пороге — Кел.

Он стоит прямо, плечи расправлены. Свет из коридора падает на его лицо — странное, слишком правильное, как у восковой фигуры. Кожа отливает пепельным серебром. Глаза серые, почти прозрачные, как вода в замёрзшей луже.

Он не входит. Смотрит на неё.

— У вас есть еда? — спрашивает тихо.

— Кофе. Сухари. — Аня отступает на шаг. — Заходи. Не стой в проёме, выпускаешь тепло.

Он переступает порог. За ним — Ми-Фа и Олли, но они не смотрят на Кела как на чужого. Они его команда. Всегда с ним. Просто отводят глаза. Аня замечает это: странно.

— Садись, — говорит она. — Кофе будешь?

— Я не чувствую вкуса.

— Тогда зачем ты пришёл?

Он садится на деревянный ящик, кладёт руки на колени. Пальцы длинные, без ногтей. Он не моргает.

— Я пытаюсь поесть.

Аня ставит перед ним кружку. Над ней поднимается чёрный горячий пар. Он не берёт её, просто смотрит. Потом закрывает глаза.

— Здесь только кофе и сухари, — напоминает она.

— Прекрати, — говорит он, не открывая глаз. — Прекрати злиться. Ты думаешь о боли в ногах, о том, что завтра кончится сахар. От тебя исходит колючий холод. Это как пить кипяток с битым стеклом.

Аня замирает.

— Откуда ты знаешь?

— Я чувствую. — Он открывает глаза и смотрит ей в лицо. — Ты злишься на всё — на снег, на войну, которая так и не кончилась, на своё заточение. Об этом говорят твои руки. Ты сжимаешь кружку так, будто хочешь её раздавить.

Она смотрит на свои пальцы — они побелели. Она ослабляет хватку.

— Так ты ясновидящий?

— Нет. — Он говорит это просто, без пафоса. — Я голоден. Твой гнев для меня — как укус. Он не насыщает, он разъедает.

Аня отворачивается. Наливает себе воды из термоса. Пьёт медленно, чтобы собраться. За спиной — тишина. Только шипение горелки.

Она ставит стакан. Облокачивается на стол, закрывает глаза. Вспоминает. Первый день кофейни на Солнечной улице — утро, солнце льётся сквозь жалюзи, пахнет корицей и цитрусами. Она тогда рассмеялась — звонко, свободно.

И тот день не кончился. Воспоминание развернулось, как старая плёнка, и она снова была там — за стойкой из тёмного дерева, в фартуке, который пах молоком и шоколадом. Солнце лилось сквозь жалюзи, ложилось золотыми полосами на плиточный пол. Пахло корицей, цитрусами, свежемолотым кофе — так пахнет надежда.

Первым клиентом был старик. Он снял шляпу и сел у окна. Заказал капучино с корицей. Она подала ему чашку, и он посмотрел на неё поверх очков — глаза были тёплыми, как этот солнечный день. «Девушка, у вас улыбка, как у моей внучки», — сказал он. Она покраснела, рассмеялась. Он тоже засмеялся — сухим, шуршащим смехом старого человека, который ещё помнит, что такое радость. Они поговорили о погоде, о его внучке, о том, что в этом районе не хватает хорошего кофе. Уходя, он оставил на стойке две монеты и листок с номером телефона — «для внучки». Она не позвонила, но сохранила листок.

Потом пришла молодая пара. Они заказали два латте и одно пирожное на двоих. Девушка смеялась, парень смотрел на неё, как на солнце. Они сидели у окна, и солнечные лучи падали

на их лица. Аня смотрела на них и думала: «Я хочу, чтобы у меня так было». Они оставили чаевые, улыбнулись ей на прощание.

Студент с ноутбуком просидел весь день. Он заказал чёрный кофе, потом ещё один, потом ещё. Он писал диплом, нервно грыз ручку, но когда она приносила ему новую чашку, он поднимал голову и улыбался. Спасибо, говорил он, вы меня спасаете. Ей казалось, что она спасает его от отчаяния.

Женщина с книгой сидела в углу и читала весь вечер. Она заказала чай с мятой и одно печенье. Она не смотрела ни на кого, но когда Аня проходила мимо, она говорила: «У вас здесь уютно. Как дома». Аня запомнила её лицо.

Тот день был наполнен голосами, смехом, звоном чашек. Ей казалось, что она не просто варит кофе — она создаёт мир. Мир, где люди могут забыть о проблемах и быть счастливыми. Она чувствовала, что нашла своё место.

Аня открыла глаза.

Бетон. Серый, холодный, безжизненный бетон. Лампочка на потолке моргала, как умирающий светлячок. Вентиляция гудела — монотонно, как больной зверь. Запах мазута и ржавчины перебивал остатки кофейного аромата.

Она смотрела на стены бункера. Она тоже создавала мир — из ничего, из пустоты. Она варила кофе, чтобы напомнить людям, что они живы. Но здесь не было солнца, не было жалюзи, не было улыбок стариков и смеха влюблённых. Здесь был только бетон.

Она взяла свою кружку с отбитым краем. Другой у неё не было. Той, настоящей, из кофейни на Солнечной улице, она лишилась, когда бежала из города. Она помнила, как разбилась та кружка — удар о бетонную стену, и осколки разлетелись, как слёзы. Она плакала тогда. Теперь она не плакала. Она сжимала эту треснутую кружку и думала: «Это тоже моя кофейня. Хоть она и в бетоне».

Она вспомнила старика. Он, наверное, уже умер. Как и все те люди. Как и тот мир, в котором была кофейня.

Но она всё ещё улыбалась чашке. Потому что иначе нельзя было выжить.

Аня открыла глаза. Смотрит на кружку с кофе перед Келом.

И улыбается. Не ему — чашке. Тёплой, лёгкой улыбкой. Довоенной, пускай и склеенной наспех.

Кел вздрагивает. Его глаза, мутные до этого, вдруг вспыхивают золотом — на долю секунды, словно искра. Он хватается за край стола, дыхание сбивается.

— Что это было?

— Что? — Аня не понимает.

Он смотрит на неё со смесью испуга и изумления.

— Это... это как глотнуть жидкого солнца. — Он прикрывает рот ладонью, будто пытается удержать тепло внутри. — Я не знал, что такое возможно. Ты улыбнулась чему-то внутри себя. Это было чисто, по-настоящему.

Аня молчит.

Он встаёт, расправляет плечи. Кожа — пепельно-серая — начинает светлеть, розоветь, словно к ней приложили тёплую руку.

— Я буду платить, — говорит он быстро, почти жадно. — Чем угодно. Я достану тебе кофе с другого конца мира. Шоколад, сахар, целый мешок зёрен. Если ты будешь делать такое лицо каждое утро.

Аня смотрит на него, ничего не понимая.

— Ты... ты же не человек?

— Нет. — Он садится обратно, голос становится тише. — Мы экипаж. Разбились здесь. Я капитан. Мне нужна ваша энергия. Ваши эмоции. Не все, только те, что согревают. Улыбки, радость, смех. Это моя пища.

Аня молчит долго. Вода в трубах гудит, Олли насвистывает за стеной, Ми-Фа возится с проводкой. Она смотрит на этого странного человека, который сидит перед ней и говорит о таких вещах, о которых можно узнать только из старых книг.

— Значит, я — бариста для пришельцев, — произносит она наконец. — Звучит глупо.

— Это звучит как надежда, — отвечает он.

Снег за окном по-прежнему ровен и бел. Аня с Келом смотрят друг на друга. В его глазах — не золото, а тихая просьба. Она видит, что он действительно голоден — не телом, чем-то другим. Она сама знает, что такое голод, и это делает её мягче.

Она снова берёт турку. Насыпает последнюю порцию кофе не из банки, а из маленького мешочка, который хранила на самый крайний случай. Зёрна пахнут землёй и деревом.

— Это Эфиопия, Иргачиф. С нотами черники. Ты можешь не чувствовать вкуса, но запах — тоже еда. Для души.

Она ставит турку на огонь. Запах разливается по всему бункеру — тёплый, земляной, сладковатый. Люди в соседних отсеках поднимают головы. Кто-то вдыхает глубоко, кто-то улыбается. Кел делает глубокий вдох — его кожа покрывается едва заметным золотистым налётом.

— Спасибо, — говорит он.

Аня наливает себе кофе в кружку с отбитым краем. Отпивает. Горько. Но в горечи — жизнь. Она смотрит на Кела и видит, как он меняется — становится светлее, теплее. Она понимает, что сделала что-то важное.

Снег падает. Помидоры Ми-Фа всё ещё зелёные. Но кто-то в бункере впервые за долгие недели улыбнулся по-настоящему.

Глава 2. Договор

После ухода Кела Аня долго сидит на кухне одна. Кофе в её кружке остыл, на поверхности затянулась тонкая плёнка, как лёд на луже. Она смотрит в неё, как в зеркало, и видит своё отражение — усталое лицо с тёмными кругами под глазами, с волосами, которые давно не мыли шампунем. Она не узнаёт себя.

Вода в трубах стучит. Где-то за стеной ребёнок плачет — монотонно, без надрыва, привычно. Аня закрывает глаза и пытается вспомнить, когда в последний раз смеялась по-настоящему. Не дежурно не для того, чтобы кого-то успокоить. А так, чтобы живот болел, чтобы слёзы текли от смеха. Не помнит.

Она открывает глаза и смотрит на пустую кружку, которую поставила перед Келом. Он не притронулся к кофе — сказал, что не чувствует вкуса. Но он вдохнул его запах. И его кожа стала светлее. Она видела это своими глазами.

Ми-Фа заглядывает в дверной проём. Его щупальца свисают вниз, как мокрые ветки.

— Мы с другой звезды, — говорит инженер, не входя. — Мы не люди. Но мы не враги. Я хочу, чтобы ты знала это.

— Я поняла, — отвечает Аня, не оборачиваясь. — Иди, Ми-Фа. Я подумаю.

Он уходит. Щупальца плавно шуршат по бетону, и звук затихает в коридоре. Она остаётся одна в тишине. Только капли воды падают с трубы — раз, два, три. Она считает их, потому что это легче, чем думать.

Но думать всё равно приходится.

Она не знает, почему не испугалась. Когда Кел сказал, что он не человек, она должна была закричать, позвать на помощь, спрятаться. Но она не сделала этого. Она просто сидела и смотрела на него. Она видела его голод, его усталость. Она чувствовала его одиночество.

Аня знает это чувство. Она носит его в себе уже три года.

Через час она встаёт. Ноги затекли, она опирается на стол, чтобы не упасть. Идёт в склад, где хранятся запасы. Поднимает деревянный ящик, достаёт мешочек с зелёным кофе — необжаренным. Она берегла его полгода, как последнее сокровище. Теперь время пришло.

Она садится на пол, развязывает мешочек. Зёрна пахнут землёй и зеленью. Она берёт одно, подносит к лицу, вдыхает. Запах детства, лета, другой жизни.

Она закрывает глаза, обхватывает колени руками, прижимается щекой к колену. Она делает то, что умеет лучше всего, — вспоминает. Не для того чтобы не забыть. Для того чтобы выжить.

Она вспоминает солнце на асфальте, запах жареных семечек, смех подруги, первый глоток утреннего американо, когда город ещё не проснулся. Но сегодня она ныряет глубже — туда, где начиналась она сама.

Детство. Маленький дом на окраине города, с палисадником, где росли пионы. Она помнит их запах — сладкий, тягучий, как мёд. Она бежит по траве босиком, трава щекочет ступни, и она смеётся. Мать сидит на крыльце с книгой, улыбается ей. Отец возится с машиной, руки в масле, но он поднимает голову и кричит: «Анька, беги сюда, я тебе кое-что покажу!» Он показывает ей, как работает мотор, как зажигаются свечи, как крутится вентилятор. Она ничего не понимает, но ей интересно, потому что он говорит с ней, как со взрослой.

Она помнит зиму. Снег был тогда чистым и белым. Он падал на ветки деревьев, и они гнулись под его тяжестью. Мать пекла пироги с яблоками, и запах разносился по всему дому. Отец приносил ёлку из леса, и они украшали её вместе — игрушки, мишура, гирлянды. Она помнит, как отец ставил её на плечи, чтобы она достала до верхушки ёлки. «Ну что, видишь?» — спрашивал он. «Вижу!» — кричала она. И мир казался ей бесконечным, полным чудес.

Она помнит, как они ездили к бабушке в деревню. Лето, река, тёплая вода. Она ныряла с мостика, и отец ловил её, когда она выныривала. Он смеялся, его смех был громким и добрым. Мать сидела на берегу и махала им рукой. Пахло травой, водой, счастьем. Ей казалось, что это будет длиться вечно.

Она помнит первый день в школе. Страх, радость, волнение. Мать держала её за руку, успокаивала: «Всё будет хорошо, доченька». Отец стоял у дверей и махал ей. Она оглянулась, улыбнулась им и пошла в новый мир. Она не знала, что однажды мир исчезнет.

Она помнит день, когда заболела ангиной. Мать не спала три ночи, сидела рядом, ставила компрессы, поила чаем с мёдом. «Поправляйся, моя хорошая», — шептала она. Отец приносил ей книжки, читал вслух, пока она не засыпала. Она тогда думала, что они всегда будут рядом. Она верила.

Она помнит их лица. Отца — с мягкой улыбкой, с морщинками у глаз. Матери — с добрыми глазами, нежными руками. Она помнит их голоса, их смех. Она помнит, как они смотрели на неё, — с такой любовью, что казалось, она может всё.

Аня чувствует, как слёзы подступают к горлу. Она не плачет — просто дышит глубже. Она собирает всё это в себе — запах пионов, вкус бабушкиных пирогов, тепло материнских рук, отцовский голос. Она сжимает их в кулак, как драгоценность, и держит внутри.

Она улыбается. Медленно, неуверенно, но тепло разливается по лицу, и в груди что-то щиплет. Она открывает глаза и смотрит на Кела.

Аня делает глубокий вдох и думает о том, что эти воспоминания — её единственное настоящее сокровище. Это то, что никто не сможет у неё отнять. Даже война. Даже смерть. Даже снег, который идёт уже три года.

Она привычно обжаривает зёрна на сухой сковородке. Пламя спиртовой горелки лижет дно, и кофе начинает трещать, менять цвет — становится тёмным, маслянистым. Запах — терпкий, дымный, живой. Он заполняет кухню, проникает в коридоры. Она слышит, как кто-то в соседнем отсеке говорит: «Кофе? Откуда?»

Она не отвечает. Мелко дробит зёрна камнем в ступке. Руки болят, но она не останавливается. Она делает это для него. Для себя. Для них обоих.

На следующий день она сама приходит к отсеку инопланетян. Идёт по коридору медленно, сжимая в руке кружку с горячим кофе. Пар поднимается, касается её лица. Она чувствует себя почти смелой.

Стучит два раза. Дверь открывает Ми-Фа. Он выглядит усталым, его щупальца едва двигаются.

— Кел здесь?

— Он голодает, — тихо говорит Ми-Фа. — После вчерашнего он пытался питаться другими людьми. Но никто не улыбается искренне. Все боятся. Он лежит в углу, почти не двигается.

Аня входит. В отсеке темно, лампочка не горит — она перегорела ещё вчера, и никто ее не менял. Кел лежит на матрасе в углу, свернувшись калачиком. Кожа серая, почти белая, как старая бумага. Глаза полузакрыты. Он даже не поворачивает головы, когда слышит шаги. Кажется, он почти не дышит.

— Я принесла кофе, — говорит Аня, садясь на пол рядом с ним. — Свежий, сама обжарила.

Он не отвечает.

Аня ставит кружку на пол, но не настаивает. Просто сидит и молчит. Смотрит на его серое лицо, на его безжизненно лежащие руки. Она видит, как он страдает. Она знает это лицо — она видела его в зеркале каждое утро в бункере.

— Я не могу тебя заставить, — говорит она. — Но я подумала. Вчера ты сказал, что моя улыбка тебя кормит. Я попробую. Не чтобы ты стал сильнее, а чтобы ты просто не умер. Это будет честно. Я буду думать о чём-то тёплом, ты будешь есть это. А взамен дашь слово: ты никогда не причинишь вреда никому из наших людей.

Она говорит это тихо, но твёрдо. Она не просит — она предлагает сделку. Это единственный язык, который она знает.

Кел медленно поворачивает голову. Его глаза открываются — они мутные, как замёрзшее стекло. Голос его — шёпот, почти неслышный:

— Ты ставишь условия голодному. Это жестоко.

— Я ставлю условия тому, кто может убить моих людей, если проголодается слишком сильно. Я должна знать.

— Я не убиваю, — говорит он. — Я впитываю. Но если человек пуст — я оставляю его пустым. Он становится как выжженная земля. Ходит, говорит, но внутри — ничего. Это хуже смерти.

Аня сглатывает. Она чувствует, как в горле встаёт комок.

— Поэтому я буду рядом. Когда ты ешь мою улыбку, я тоже буду есть — свой кофе, свои сухари. Вместе. Так я не стану пустой.

Кел приподнимается на локте. Это движение даётся ему с трудом — он почти падает, но удерживает себя. Смотрит ей в глаза долго и пристально.

— Ты не боишься?

— Боюсь, — говорит она без запинки. — Но больше боюсь, что никто не улыбнётся в этом бункере. Тогда мы умрём от холода, даже если внутри тепло. Мы умрём от того, что перестали быть людьми.

Он молчит. Потом садится, опираясь о стену. Его руки дрожат, когда он берёт кружку. Подносит к лицу, вдыхает запах. Закрывает глаза. Когда он открывает их, в них появляется что-то похожее на жизнь.

— Хорошо, — говорит он. — Договорились. Я не трону никого без твоего разрешения. Но если ты перестанешь улыбаться — я умру. Это не угроза, это так работает.

Аня кивает. Она закрывает глаза, обхватывает колени руками, прижимается щекой к колену. Она делает то, что умеет лучше всего, — вспоминает. Не для того чтобы не забыть. Для того чтобы выжить.

Она снова вспоминает детство: солнце на асфальте, запах жареных семечек, смех подруги, первый глоток утреннего американо, когда город ещё не проснулся. Она вспоминает отца, который подбрасывал её в воздух, когда она была маленькой. Вспоминает мать, которая учила её заваривать чай. Она вспоминает всё, что было тёплым, светлым, живым.

Она улыбается. Медленно, неуверенно, но тепло разливается по лицу, и в груди что-то щиплет. Она открывает глаза и смотрит на Кела.

Кел делает глубокий рваный вдох. Кожа его начинает светлеть, розоветь. Он открывает рот, будто пробует воздух на вкус.

— Это горько-сладкое, — говорит он удивлённо. — Как шоколад с перцем. Ты вспоминешь то, что и радует, и болит.

— Это называется жизнь, — отвечает она.

Он впитывает её эмоции, как сухая земля — воду. Проходит пять минут, десять. Кел садится ровнее, плечи расправляются, глаза становятся яснее. Он почти как человек — только слишком бледный и тихий. Но в нём появляется что-то, чего не было раньше. Жизнь.

— Хватит, — говорит он. — Я сыт. Спасибо.

Аня открывает глаза. В его взгляде не благодарность — что-то другое. Осторожная надежда, как у зверя, впервые подпустившего человека.

— Завтра я приду снова, — говорит она. — В то же время. Без кофе. Просто посижу с тобой.

— Зачем? — он не понимает.

— Если я буду улыбаться только для того, чтобы ты не умер, это станет работой. А работа не кормит — её делают через силу. Я хочу, чтобы улыбка была просто улыбкой. Хотя бы иногда.

Она встаёт, поправляет свитер, идёт к выходу. На пороге она оборачивается и видит, как он сидит и смотрит на пустую кружку. Ему кажется, что она всё ещё тёплая.

— Аня, — зовёт он.

Она оборачивается.

— Ты странная, — говорит он. — Среди всех людей ты единственная, кто говорит о чувствах как о контракте.

— Потому что я бариста, — отвечает она. — Мы привыкли, что кофе должен быть горячим и вовремя. Иначе клиент уходит.

Она выходит. Дверь закрывается. В отсеке тихо. Кел смотрит на кружку — она всё ещё тёплая. Он подносит её к лицу, вдыхает запах земли, дыма, корицы. И впервые за столько лет ему не хочется улетать.

Аня идёт по коридору. Её шаги гулко отдаются от бетонных стен. Она чувствует пульс — быстрый, живой. Она не знает, что сделала. Но она чувствует, что это было правильно.

За стеной Ми-Фа возится с проводкой. Из кухни доносится звон посуды. Аня моет кружку, смотрит на свои красные, обветренные руки. Усмехается едва заметно.

— Ну и дела, — говорит она себе. — Бариста для инопланетного капитана.

Но в голосе не ирония — что-то лёгкое, почти забытое. Она наливает воды, садится на ящик, берёт огрызок карандаша и записывает рецепт. Не чтобы варить — чтобы запомнить. Чтобы не забыть, что в этом бетонном мире есть ещё что-то, кроме холода.

Снег всё идёт. Но в бункере кто-то улыбается, глядя в тёмный потолок.

Глава 3. Марлоны

День начался с гула: не обычного гула труб, а низкого вибрирующего звука, что шёл откуда-то сверху. Он проникал сквозь бетонные стены, сквозь слой земли и снега, как далёкий

гром. Аня проснулась за минуту до того, как Олли ворвался без стука. Его лицо было бледным, глаза расширены.

— Они идут, — сказал он, переводя дыхание. — Снегоходы. Три, может, четыре. Я слышал их ещё полчаса назад. Они кружили, искали вход.

Аня не стала спрашивать, кто идёт. Она встала, натянула сапоги, застегнула куртку. Пальцы дрожали, но она не обращала на это внимания. За спиной плакал ребёнок, женщина кричала, чтобы закрыли дверь. Гул моторов становился громче, нарастал, как прибой перед штормом.

Ми-Фа уже стоял у входа с куском железной трубы в щупальцах. Они нервно подрагивали. Он повернулся к Ане, и его глаза были полны решимости.

— Это не просто марлоны, — сказал он. — Те, кто знает, что здесь есть люди. Они приходили три месяца назад. Тогда мы отбились.

— Тогда нас было больше, — сказал Олли, появляясь с черенком лопаты. — И были патроны. Теперь у нас только ножи и трубы. Хотя у Виктора вроде бы есть ружьё? Может и пара патронов осталась?

Он опустил глаза. Аня знала, что он видит сейчас не серый бетон, а то утро, когда снег был красным от крови.

Она помнила тот день. Сама она тогда пряталась в кухне, сжимая в руках нож для хлеба — единственное оружие, которое у неё было. Марлоны ворвались на рассвете, когда в бункере ещё спали. Их было пятеро — грязных, злых, с трубами и самодельными ножами. Но у Виктора, плотника, было старое охотничье ружьё. Он стоял у входа и ждал. Когда дверь рухнула, он выстрелил дважды. Один марлон упал, второй закричал, схватился за плечо. Остальные побежали.

— Я их остановил, — сказал тогда Виктор, и в его голосе не было гордости — только дрожь. — Я их остановил тогда.

Олли тогда тоже был там. Он стоял за спиной Виктора и держал молоток, который ему дал Ми-Фа. Он не ударил никого — он просто стоял и смотрел. Потом, когда всё закончилось, он ушёл в свой отсек и не выходил три дня. Он не говорил, что видел. Но Аня знала — он видел глаза того, кто упал. Он не мог их забыть.

— Тогда у нас были патроны, — сказал Ми-Фа, возвращаясь в настоящее. — Теперь осталось их мало. И еще три пули, которые мы нашли в кармане у мёртвого марлона. Мы берегли их для крайнего случая.

Аня почувствовала, как внутри неё поднимается холод. Она помнила, как после той первой атаки они хоронили человека, которого убил Виктор. Он был молод — лет двадцать. Когда они его переодевали, чтобы похоронить по-человечески, у него в кармане оказалась фотография женщины и ребёнка. Старуха положила её ему на грудь. «Он тоже был чей-то сын», — сказала она. Никто не ответил. Нечего было сказать.

Виктор не стрелял с тех пор. Он говорил, что не сможет. Он говорил, что каждая пуля — это человек, у которого есть дом. Он прятал ружьё под матрас и не доставал его. Но сегодня он стоял у входа, и в его руках был тот же ствол.

— Я не знаю, смогу ли я, — сказал он тихо, когда Аня подошла. — Но, если они ворвутся — я выстрелю. Я не дам им тронуть детей. Я не должен.

Аня видела, как дрожат его руки. Но он держал ружьё крепко.

Она вышла в общий зал. Там уже собрались жители — человек десять. Дети прижались к взрослым, прятали лица в складках одежды. Кто-то держал нож, кто-то — молоток. Старуха с красным шарфом сидела на ящике и перебирала чётки, её губы беззвучно шевелились.

— В укрытие, — сказала Аня. — В склад с консервами. Закройтесь, не выходите, пока я не скажу.

— А ты? — спросила женщина с ребёнком.

— Я остаюсь.

Она не добавила «всё будет хорошо». Она не умела врать. Она просто пошла к отсеку инопланетян.

Кел стоял на пороге, полностью заряженный. Кожа блестела серебром, глаза были ясны, как горный хрусталь. Он не выглядел голодным — она дала ему силы вчера, и он использовал их для того, чтобы подготовиться.

— Я слышал, — сказал он. — Они хотят не еду, а захватить бункер. В прошлый раз ушли, потому что не знали о нас. Теперь знают.

— Ты можешь их остановить? — спросила Аня, чувствуя, как сердце колотится в горле.

— Могу. Но это будет стоить энергии. Если я упаду — ты должна будешь поднять меня. Не дай мне умереть.

Она кивнула. Без слов. Она знала, что это значит.

Звук снегоходов нарастал. Сначала далёкий, как пчелиный рой, потом — рёв, закладывающий уши. Снег за окнами-бойницами вздымался облаками, летел в лицо. Аня видела, как дрожит бетон под ногами.

Удары в дверь начались через пять минут. Первая дверь не закрывалась — ее не успели довести до ума. Вторая дверь была металлической, ржавой, но держалась на прочных петлях, сваренных Ми-Фой из арматуры. Первый удар — глухой, тяжёлый, как удар молота по наковальне. Второй — с дребезгом, от которого затряслись стены. Третий — и петля всё-таки отлетела, дверь рухнула внутрь с грохотом, покотившимся по бетонному коридору, как камень по лестнице. Звук был настолько сильным, что Аня прижала уши ладонями.

Они ворвались не сразу. Сначала тишина, потом топот сапог, хриплое дыхание, мат. Голоса были грубыми, как наждачная бумага. Аня слышала, как кто-то крикнул: «Там бабы есть!»

Их было семеро. Мужчины в грязных ватниках, лица обветрены до синевы. У одного обрез, у остальных — трубы, арматура, ножи. Главарь — крупный, с красным шарфом на шее (Аня сразу заметила: тот же цвет, что у старухи, но шарф новее, и на нём пятна, тёмные, как засохшая кровь). Его глаза бегали по залу, оценивая, ища слабые места.

Пуля марлонов сразила Виктора наповал. Он не успел отреагировать и лишь вскинул ружьё, плавно оседая на пол, зажав рукой красное пятно на груди.

— Эй! — крикнул главарь, оглядывая зал. — Выходите! Мы не тронем тех, кто отдаст всё. Еда, тёплые вещи, оружие. Мы уйдём и оставим вас в покое. — Он говорил спокойно, но в голосе была сталь. Он привык, что ему подчиняются.

Никто не ответил. Тишина была такой плотной, что можно было резать ножом. Слышно было только, как вода капает с трубы — раз, два, три.

— Тогда мы войдём и сами возьмём.

Они двинулись вперёд, но из темноты выскользнул Ми-Фа. Его щупальца метнулись одновременно — два ударили в грудь первому марлону, отбросив его к стене; третье обвило ногу второго, и тот рухнул, ударившись затылком о бетон. Четвёртый, с обрезом, выстрелил — пуля пробила стену и застряла в мешке с крупой. Ми-Фа увернулся, двигаясь с удивительной для его размера ловкостью.

— Тварь! — заорал главарь. — Убейте её!

Вперёд выбежал Олли. Он был быстрым, как мышка, с черенком лопаты, на который были насажены гвозди. Он ударил марлона по лицу — тот закричал, зажал глаз, но другой марлон ударил Олли трубой по спине. Подросток упал, выплюнул кровь и снова бросился. Аня видела, как он сжимает черенок, как его губы сжаты в тонкую линию — он не боялся, он был в ярости.

Кел появился из-за колонны. Он двигался бесшумно, как тень, и марлоны заметили его только тогда, когда он схватил одного за горло и поднял над полом. Пальцы сдавили кадык — марлон захрипел, выронил нож. Кел отшвырнул его, как тряпичную куклу.

— Стреляйте в него! — крикнул главарь.

Тот с обреза выстрелил дважды. Первая пуля вошла Келу в плечо — из раны пошёл дым, но он не отпустил. Вторая — в грудь. Кел пошатнулся, выпустил противника, отступил, упал на колени, потом навзничь, ударившись спиной о ящики. Из его груди струился серый пар, как из пробитого чайника. Кожа потускнела, стала почти прозрачной.

— Кел! — закричал Ми-Фа, но в этот момент двое марлонов набросились на него, и он отбивался щупальцами, не в силах подойти. Один из них ударил его трубой по голове, и Ми-Фа рухнул на колени.

Олли снова упал — от удара по голове. Он лежал неподвижно, лишь грудь вздымалась. Аня видела, что его глаза закрыты, но он дышит. Она надеялась, что он жив.

Марлоны сбились в центре зала, гоготали, обшаривали ящики. Главарь подошёл к Келу, пнул его в бок. Кел не шевелился, пар из груди слабел. Он был почти серым, почти мёртвым.

— Человечек, похожий на нас, — усмехнулся главарь, — но ты не крепкий.

Он подошёл к стойке, где Аня варила кофе, и опрокинул её. Турка упала, кофейная гуща разлилась по полу. Аня смотрела, как разбивается её мир — кружки, банки, воспоминания.

Аня стояла в проёме кухни. Она не пряталась. Она смотрела, как падает Кел, как марлоны крушат её вещи, как Олли и Ми-Фа лежат без сил, как Виктор лежит у входа с красным пятном на груди. В её груди оборвалось что-то чёрное, пустое, не дающее дышать. Она чувствовала, как страх поднимается, но она подавила его — он был бесполезен.

Она выбежала. Марлоны заметили её, но она побежала не к выходу, а к Келу. Упала на колени, подхватила его голову, положила к себе на колени. Он был тяжёлым, холодным, как камень, кожа почти не блестела. Она чувствовала, как его дыхание становится всё реже.

— Ты слышишь? — прошептала она. — Они убьют нас всех. Встань.

Кел молчал. Только дым — тонкая струйка — выходил из его груди.

Марлоны смеялись. Один подошёл ближе, приставил нож к шее Олли.

— Баба, отойди, — сказал он. — Сейчас мы с этим поиграем. Потом и тобой займёмся.

Аня не слышала. Она смотрела на лицо Кела — серое, как пепел. Его глаза были полуоткрыты, но в них ничего не было. Ни боли, ни страха — только пустота.

— Я не отдам, — сказала она тихо. — Ты меня слышишь? Я не отдам тебя им.

Она обхватила его руками, прижала к груди. Сначала дышала часто, сбивчиво, стараясь не плакать. Но слёзы пришли сами. Потом по её щеке потекла тёплая капля — упала на его щеку. Он не шевелился.

— Ешь, — сказала она, склонившись к его уху. — Ешь это, слышишь? Ты должен встать. Ты обещал.

Голос её дрогнул. Она заплакала — негромко, некрасиво, всхлипывая, уткнувшись в его волосы. Слёзы текли и капали на его лицо, шею, грудь. Она не вытирала их, не скрывала. Она отдавала ему всё, что у неё было, — боль, страх, надежду.

И тогда это случилось.

Сначала она не поняла. Ей показалось, что из-под её рук пошёл жар — сухой, пульсирующий, как от печи. Потом Кел вздрогнул, пальцы сжались, он вдохнул — хрипло, с присвистом. Его тело напряглось, и она почувствовала, как его кожа начинает нагреваться.

Аня откинулась назад. Кел медленно, опираясь на руки, сел. Его глаза были белыми, без зрачков, из них шёл свет. Кожа пошла рябью — пепельной, золотой, потом такой яркой, что марлоны зажмурились. Свет заполнил весь зал, ослепляя всех.

Он встал. Тень его на стене была больше него самого, она выросла, закрыла собой всю стену. Главарь попятился, выстрелил из обреза — пуля вошла Келу в живот, но не остановила его. Она просто выпала из раны вместе с каплей светящегося пара, не оставив следа.

— Это не моя сила, — сказал Кел голосом низким, нечеловеческим. — Это плата за чужую боль. Хотите знать, сколько она стоит?

Он подошёл к главарю. Тот попытался ударить трубой, но Кел перехватил руку, сжал — кости захрустели, как сухари. Главарь заорал, выронил оружие. Кел взял его за горло, приподнял над полом. Главарь болтал ногами в воздухе, хрипел, как загнанный зверь.

— Уходите, — сказал Кел остальным. — Заберите его и уходите. Даю три секунды.

Он бросил главаря на пол. Остальные бросили оружие и побежали. Они волочили главаря, который уже не кричал — только хрипел, как пёс. Снегоходы взревели, звук стих вдали. Тишина наступила такая густая, что казалось, воздух застыл.

Кел пошатнулся, опёрся о стену — кожа его потускнела, стала серой. Он был на грани, но он стоял.

Аня всё ещё сидела на полу, глядя на свои руки — на них был серый налёт, похожий на пыль. Она не могла пошевелиться. Ей казалось, что она видит сон.

— Ты живой, — сказала она.

— Живой, — ответил он, опускаясь на колени рядом. — Но теперь я знаю, что твои слёзы сильнее твоей улыбки. Это меня пугает.

Он посмотрел на неё с тихой тревогой. Его глаза были ясными, но в них была боль.

— Я не хочу, чтобы ты умирал, — сказала она. — Но и плакать каждый раз не хочу.

— Я тоже, — сказал он. — Но я не умею иначе.

Ми-Фа поднялся, придерживая повреждённое щупальце, подошёл к Олли, потрогал его голову. Тот застонал, открыл глаза.

— Олли, ты цел?

— Цел, — сказал Олли. — Только голова трещит, как будто в неё забили гвоздь.

— Кофе хочешь? — спросила Аня. — Я сварю.

— Воды лучше, — ответил Олли. — Турка разбита.

Аня посмотрела на разбитую турку, на рассыпанный кофе, на опрокинутые ящики. Бункер был разгромлен — стулья перевернуты, кружки разбиты, на стенах пятна от кофе и крови. Но люди были живы.

— Ничего, — сказала она. — Найду другую.

Она встала, отряхнула колени, пошла к кухне. На пороге обернулась:

— Кел, завтра я приду снова. Не плакать. Просто посидим. Может, я усмехнусь чему-нибудь. Может, ты попробуешь не умереть.

— Постараюсь, — ответил он, и в голосе впервые послышалась тень усмешки. — Но обещать не могу. Ты слишком на меня действуешь.

Аня вошла в кухню, включила плитку, поставила воду. За её спиной Ми-Фа помогал Олли встать, люди выходили из укрытий, дети перестали плакать. Кто-то собирал осколки, кто-то приносил одеяла.

Снег за стенами продолжал падать. Но в бункере, сквозь запах мазута и гари, снова пробивался запах горячего кофе. Он был слабым, но он был.

Аня стояла у плиты и смотрела на закипающую воду. Она чувствовала, как её руки всё ещё дрожат, как сердце бьётся быстрее обычного. Она сделала то, что должна была. Она выжила.

В бункере осталось что-то новое. То, чего не было раньше, — надежда.

Глава 4. Денис

После боя в бункере стало тихо — не спокойно, а тревожно. Снег падал на крышу ровно, бесшумно, и звук его был единственным нарушителем молчания. Люди ходили на цыпочках, говорили шёпотом. Дети не плакали — они просто сидели в углах и смотрели пустыми глазами.

Аня не могла уснуть. Лежала на матрасе, глядя в потолок, считала трещины. На двенадцатой сдалась. Встала, натянула сапоги, вышла в коридор. Плита остыла, кофе не было. Запах гари и крови всё ещё витал в воздухе, смешиваясь с мазутом и сыростью.

Она пошла на склад за банкой тушёнки. Путь вёл через общий зал, где ещё валялись осколки и виднелись тёмные пятна пролитого кофе. Кто-то начал убирать, но не закончил. Аня старалась не смотреть на разбитую турку, на свою единственную кружку с отбитым краем, которая лежала на боку. Она подняла её, вытерла о фартук. Целая. Только склеенная трещина стала глубже.

Дверь в подсобку была приоткрыта. Там хранились мешки с мукой — последняя довоенная партия, с комками, но ещё съедобная. Аня толкнула дверь и замерла.

В углу, среди мешков, сидел мальчик. Он сжался в комок, обхватив колени руками, и дрожал. Лицо грязное, на щеке засохшая кровь — не его, чужая. Глаза блестели, как у загнанного зверя. Он смотрел на неё с таким ужасом, что Аня почувствовала, как у неё сжимается сердце.

Аня не двинулась, стояла на пороге, держась за ручку. Она знала, что любое резкое движение может его спугнуть.

— Ты кто? — спросила она ровно.

Мальчик не ответил, только прижался к стене.

— Ты из тех, кто ворвался, — сказала она. — Ты слишком маленький для них. Ты просто прятался.

Он молчал. Но его глаза говорили: «Я не хотел. Я не такой».

— Выходи, — сказала она. — Я не трону.

Он не шевелился. Аня медленно присела на корточки, не приближаясь. Она знала, что он боится, — боится каждого движения, каждого звука. Она положила на пол сухарь и кружку воды, которые принесла с собой. Положила медленно, как кладут корм для бездомной собаки.

— Я сварю тебе кофе, если хочешь. Но сначала скажи, как тебя зовут.

Мальчик поднял глаза — карие, большие, полные страха. Он облизнул пересохшие губы.

— Денис, — сказал он хрипло.

— Сколько тебе?

— Четырнадцать. Почти пятнадцать.

— Ты один или с ними?

Он отвёл взгляд. Смотрел в пол, на свои грязные руки. Аня видела, что он не может говорить.

Аня взяла сухарь, протянула ему. Он не взял. Тогда она положила его прямо в пыль и отодвинулась.

— Я не буду тебя выгонять. Ты можешь сидеть здесь сколько хочешь. Но если останешься, придётся выйти и показаться остальным. Здесь дети — они не должны бояться чужих.

Денис поднял голову. В его глазах мелькнуло что-то — не благодарность, а удивление. Потом его губы дрогнули.

— Мой отец был плотником, — сказал он, и голос его был тихим, как шёпот. — Мы жили в посёлке в ста километрах отсюда. До Зимы. Потом снег пошёл, он поехал искать еду — не вернулся. Мать замерзла через месяц. Я остался один.

Аня молчала. Она знала эту историю. Она сама могла бы её рассказать.

— Как ты оказался с ними?

— Они пришли, сказали, если буду чинить снегоходы, возьмут с собой. Я чинил. Но они били меня. Хотел уйти — некуда. В снегу умру быстрее.

Он замолчал. Аня смотрела в его лицо — не отчаяние, а пустота. Такая же, как у неё самой три года назад.

— Боишься, что я отдам тебя им?

— Нет, — сказал он. — Ты бы уже это сделала.

Аня кивнула. Поднялась, подошла к полке, достала маленькое зеркальце в треснувшей оправе. Всегда носила его с собой — память о прежней жизни. В этом зеркале она видела себя счастливой, смеющейся, живой. Она редко смотрелась в него сейчас — боялась увидеть чужое лицо.

Она села на корточки напротив, протянула зеркальце.

— Слушай, Денис. У нас здесь есть один... не совсем человек. Он питается эмоциями. Ему нужны улыбки, смех, тепло. Если ты сможешь улыбнуться по-настоящему, он увидит это и поймёт, что ты не враг. Он не тронет тебя. Я скажу, что ты мой племянник.

Она положила зеркальце ему в руки. Он взял, посмотрел на своё отражение. Лицо — худое, бледное, с тёмными кругами. Мальчик, которого он не узнавал.

— Я не умею, — сказал он. — Забыл, как это.

— Попробуй. Закрой глаза. Вспомни что-то тёплое. До Зимы. Что-то, что ты любил.

Он закрыл глаза. Лицо напряглось, он попытался улыбнуться — получился оскал.

— Нет. Не как работа. Вспомни, как был счастлив.

Он снова закрыл глаза, молчал долго. Аня смотрела на его лицо, на его руки, которые сжимали зеркальце. Она видела, как он пытается, как внутри него борются страх и память.

Потом его лицо начало меняться. Медленно, как тает лёд. Губы разжались, уголки поползли вверх. Улыбка робкая, но настоящая. Аня почувствовала, как что-то тёплое разливается у неё в груди.

— Я вспомнил, — сказал он тихо. — Мы с отцом ходили на реку. Лето. Я поймал маленькую рыбу, он смеялся. Мать сидела на берегу, улыбалась. Пахло травой.

— Хорошо. Запомни это чувство.

В этот момент за её спиной открылась дверь. На пороге стоял Кел — уставший, кожа пепельно-серая, но глаза ясные. Он смотрел не на Аню, а на мальчика. На его улыбку, которая ещё не погасла. Он смотрел на неё так, как смотрят на чудо.

— Что это? — спросил он хрипло.

— Это Денис, — сказала Аня. — Мой племянник. Он был с марлонами, но не хотел. Прятался здесь всё время.

Кел не двигался, затем шагнул, опустился на одно колено перед Денисом, протянул руку:

— Дай мне зеркало.

Денис отдал. Кел посмотрел на отражение, потом на него. Его глаза стали мягче.

— Ты улыбался. Искренне. Я чувствую — сладкий запах, как мёд. Ты был счастлив. Где ты это взял?

— Я вспомнил, — еле слышно ответил мальчик.

— Это ценнее еды. Ты знаешь, что сделал?

— Нет.

— Ты помог мне. — Кел сказал это просто, без пафоса. — Я был голоден. Твоя улыбка — как тёплый хлеб. Спасибо.

Денис смотрел с удивлением. Страх в его глазах медленно сменялся чем-то другим — любопытством. Он видел, что это существо не похоже на марлонов. Оно не злое.

— Ты не боишься меня?

— Нет, — сказал мальчик. — Ты не марлон.

Кел усмехнулся горько, но искренне.

— Я хуже. Я пью чужие улыбки. Но только те, что дарят сами.

Аня стояла в стороне, глядя, как капитан чужого корабля говорит с худым мальчишкой. Она видела, как Кел осторожно, боязливо протягивает руку к Денису. Она видела, как Денис не отшатывается.

— Ты останешься, — сказал Кел не вопросом, а приказом. — Будешь жить здесь. Каждое утро улыбаться мне. А я сделаю так, чтобы марлоны больше не пришли. Согласен?

Денис кивнул. Он не улыбнулся, но его глаза стали светлее.

— Тогда иди. В общий зал. Аня, покажи ему, где умыться. Накорми. — Помолчал. — Мы оба должны быть сыты.

Аня протянула мальчику руку. Он взялся за её ладонь — холодные пальцы дрожали. Она помогла ему встать, он пошёл за ней, шатаясь, как после долгой болезни.

На пороге он обернулся. Кел всё ещё стоял в подсобке, с зеркальцем в руке, глядя в него на своё отражение. Он не узнавал себя.

— Эй, — сказал Денис. — Как тебя зовут?

— Кел.

— Кел, — повторил мальчик. — Ты странный.

— Я знаю.

— Но ты, кажется, хороший.

Кел не ответил, только провёл пальцами по лицу — неловко, как учась этому жесту.

— Хороший, — повторил он тихо. — Я не знаю, что это значит.

Аня вывела Дениса в коридор. Вода в трубах загудела — Ми-Фа наладил подачу. Она дала ему кусок серого мыла — последний.

— Умойся, потом найдём одежду и носки.

Денис долго, с наслаждением умывался, смывая грязь и кровь. Когда поднял лицо, оно было чистым, красным от холода, но живым. Глаза уже не были пустыми. В них была надежда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.